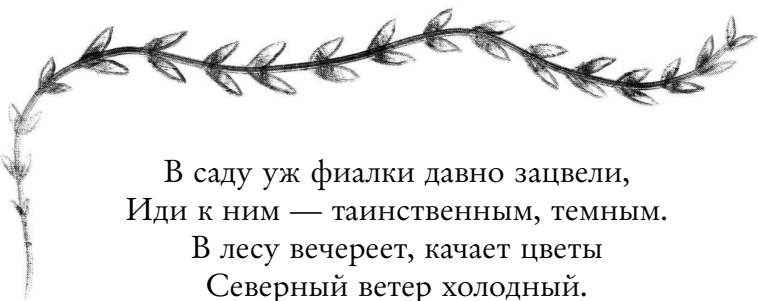

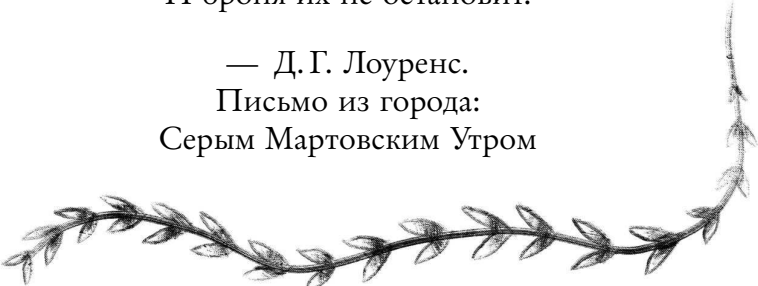

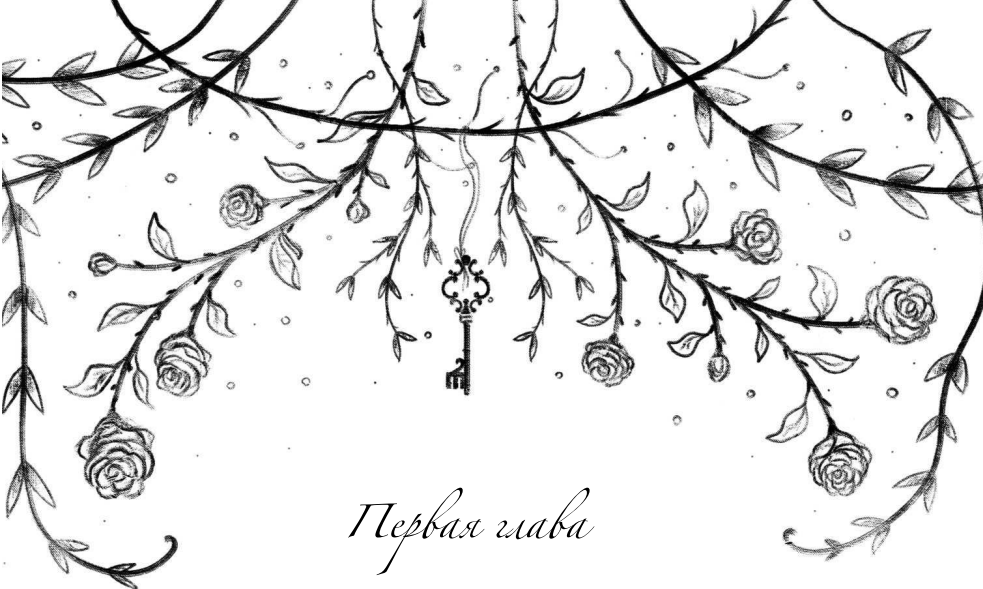
*Все растения в Лейкседже —
эндемики.*

В саду уж фиалки давно зацвели,
Иди к ним — таинственным, темным.
В лесу вечереет, качает цветы
Северный ветер холодный.
Но вспомни меня — я пытаюсь найти
Ту песню, что душу затронет.
А сердце мое пронзают мечи,
И броня их не остановит.

— Д. Г. Лоуренс.
Письмо из города:
Серым Мартовским Утром

Первая глава

Монстры существуют. Они живут в лесу и выходят наружу по ночам. Ползут вдоль стен нашего дома. Проникают в грезы моего брата.

С последнего кошмара Ариена прошло больше недели, но я знаю, что сегодня они вернуться. Весь день меня преследовала уже хорошо знакомая тяжесть в воздухе. Я чувствую их приближение даже раньше, чем он.

Я долго не засыпаю. Свернувшись калачиком, лежу на узкой кровати в скромной маленькой комнате, которую мы делим с братом. Наблюдаю за ним. Жду. Уже за полночь. Даже с распахнутыми окнами этой ночью жарко и душно.

— Виолетта? — зовет он меня, вытянув руку. Его начинает охватывать тьма.

Тени текут сквозь его ладони широкими лентами и покрывают пол чернильным туманом. Его глаза стали полностью черными — они меняются, когда он грезит. Эти пустые глаза на его испуганном

лице — словно ошибка. Ариен — нежный и милый. В нем не должно быть этой тьмы. Должно быть, он уже не в себе, и все же...

Пока над нами нависают заполняющие комнату тени, я придвигаюсь ближе. Сначала они похожи на дым, который сгущается все больше. Затем их становится так много, что весь свет гаснет, и остаемся только я, Ариен и густая тьма.

— Лета? — зовет он меня испуганным голосом, который вдруг меняется на протяжное рычание. — Лета, Лета.

Я беру его руку и начинаю дрожать. Ненавижу себя за это, но не могу остановиться. Тьма льется сквозь наши переплетенные пальцы, заслоняет лунный свет. Тени на коже ощущаются как мороз в суровую зиму, обжигающий холод.

Я вцепляюсь в Ариена, и шепчу ему: «Я рядом, рядом», и не отпускаю его, даже когда он злобно рычит и начинает меня царапать. Он царапает мне лицо, горло, руки. Я сдерживаю крики боли и, пока он не расцарапал меня еще сильнее, крепко его хватаю.

Дальше будет еще хуже. Я отталкиваю эту мысль и проглатываю ее до тех пор, пока во рту не появляется привкус меди и соли. Он мой брат. Он никогда, он не будет...

Появляются новые тени, более быстрые и жестокие. Пока они охватывают нас, я прижимаю Ариена к себе. Они как виноградные лозы, только с шипами. Я чувствую, как тьма накрывает меня, чувствую, как она скользит и скользит по моей коже. Мой живот сжимается от страха, в горле за-

стреваает крик. Я делаю глубокий вдох и пытаюсь говорить спокойно:

— Ариен, любовь моя, все хорошо, все в порядке.

Эти слова я повторяю уже бесчисленное количество ночей. С тех пор как начались эти грезы. С тех пор как мы переехали сюда.

Сейчас мое семнадцатое лето, а для Ариена оно тринадцатое. Мать нашла нас на дороге рядом с Вейрским лесом. Ариен был младенцем, а я — достаточно взрослой, чтобы назвать ей наши имена — Ариен и Виолетта Грейслинг — и сказать, что наши родители умерли, но больше не сказала ничего. Что же должно было случиться, что мы оказались в лесу посреди зимы... Я стараюсь не задумываться об этом.

Огонь, чтобы сжечь заразу. Искры, пересекающие ночное небо. Запах пепла. Деревья на фоне лунного света. Шепот в ветвях.

Я до сих пор помню, как рука Матери впервые коснулась моей щеки. Ее пальцы были испачканы краской с икон, которые она писала. Помню, как зимнее солнце сияло в ее волосах цвета кукурузы, когда она наклонялась ко мне. От нее исходил запах льняного масла.

Она взяла меня и Ариена за руки и отвела в свой дом.

«Это Леди послала мне вас», — сказала она однажды. Сначала это звучало совсем не грозно. Но прошло уже много лет. Теперь все по-другому.

Теперь все, что я знаю, это то, что я не могу позволить этой ужасной тьме захватить моего брата. Как бы мне ни было страшно, я должна защищать его.

— Это грезы, Ариен.

— Ты не сможешь остановить это, Лета. Ты не можешь...

Он выплевывает слова сквозь оскаленные зубы. Я еле сдерживаюсь, чтобы не вздрогнуть. Голос Ариена, то, как он борется со мной... это не он. Это не может быть он. Я должна помочь ему справиться с этим. Он должен вернуться. Я не позволю ему заблудиться в темноте.

— Это грезы, Ариен. Это не по-настоящему.

— Ты не сможешь это остановить.

Тени заполняют мой рот и легкие, я чувствую привкус дыма и пепла. Крепче обнимаю брата, вцепляюсь в него. Я отгоняю страх и представляю, что мы где-то в другом месте, снаружи, в нашем маленьком саду. Я думаю о солнце и цветах. Мои руки погружены в землю. Корзины полны вишни, которую я собирала всю неделю. Эта картина жива в моей памяти.

Я думаю об этом ради Ариена. Ко мне словно привязана веревка, другой конец которой держит его. Под моей кожей начинает разливаться тепло. Я думаю о садах и солнечном свете. Ни тьмы, ни теней, ни пустых, нечеловеческих глаза брата.

Медленно, медленно тени перестают исходить из его рук. Тьма расползается по углам комнаты. Я задерживаю дыхание, пока она полностью не исчезает, а затем с тяжелым вздохом опускаюсь на Ариена.

Он касается моего запястья и быстро отстраняется, когда чувствует опухшие царапины.

— Я снова сделал тебе больно?

Я закрываю царапины ладонью.

— Ты ничего не сделал. Я в порядке.

Низкая луна за окном еле видна между сгущенными облаками. Она тускло освещает коллекцию камней, которые я держу на подоконнике. Я провожу пальцем по камню с золотым отливом. Он гладкий и тяжелый, идеально вписывается в изгиб моей ладони.

Я заставляю себя дышать ровно, желая, чтобы мое частое сердцебиение замедлилось.

— Ты не причинил мне вреда, — говорю я снова, пытаюсь успокоить Ариена, пытаюсь успокоить себя. — Все кончено, любовь моя. Теперь ты в безопасности.

Он начинает плакать. Громкие гневные рыдания эхом разносятся по комнате, по всему дому.

— Прости, Лета.

Я обнимаю его.

— Тебе не за что извиняться, — говорю я. И добавляю, зная, что это необходимо: — Но ты должен быть тише.

Он прижимается ко мне головой, пытаюсь заглушить звуки слез. Его волосы, рыжие, как у меня, падают ему на лицо. Я убираю их с его щеки.

Он сдавликает рыдания, а я тихонько шепчу ему на ухо:

— Пожалуйста, Ариен, тебе нужно остановиться. Она услышит тебя. Мать услышит тебя. Пожалуйста...

Он хватается мою руку, и я резко останавливаюсь. Своими пальцами он сжимает мои. Мы оба сидим тихо, но по коридору разносится эхо шагов и наша дверь распахивается с такой силой, что ударяется о стену. Мать врывается в комнату.

В отблесках фонаря она будто светится и отликает золотом. Ее кожа покрыта бледными веснушками, а волосы блестят от света пламени. Но ее красота резкая, полная острых граней. Какая бы мягкость ни была в ней, когда она впервые увидела нас — двух потерянных детей на дороге, — она давно исчезла. С тех пор как появились тени.

Она хватается Ариена за запястье, разводит его пальцы. Его руки все в черных пятнах. Тени, как всегда, прилипли к его коже. Отметки постепенно тускнеют и вновь темнеют, когда начинаются грезы. Их нельзя стереть, хотя Мать и заставляла его пробовать бесчисленное количество раз.

— Ариен.

Другой рукой она хватается его за подбородок и крепко держит до тех пор, пока он не встречается с ней глазами. На ее лице мелькает что-то похожее на грусть. Затем освещение меняется, и она вновь становится холодна.

— Только не снова.

Он пытается вывернуться из ее хватки, пока она тащит его прочь из комнаты. Я бросаюсь за ними.

— Отпусти его! Он ничего не может с собой поделать, ты же знаешь, он не может!

— Иди в постель, Виолетта, — бросает Мать через плечо.

В коридоре он пытается вырваться, и она крепче сжимает его руку. Я иду прямо за ними. Когда мы добираемся до кухни, его взгляд лихорадочно мечется между подвалом и входной дверью. В прошлый раз, когда это случилось, она заставила его

спуститься вниз. Накануне она заперла его снаружи и оставила на всю ночь в саду.

Она думает, что если будет держать его в темноте, тени уйдут. Словно одна тьма уничтожит другую. Она перепробовала столько способов очистить его, но ни один из них не помог. Она убеждена, что его тени — свидетельство темной алхимии.

Но все, что я знаю о темной алхимии, — что она опасная и ядовитая и не может быть связана с Ариеном. Он — не зловещий мрак, не струящийся яд. Он мой брат, и я пойду за Ариеном, куда бы она его ни забрала. Я пойду с ним в темноту подвала. Я пойду в залитый лунным светом сад. Я останусь с ним и буду охранять его.

Но вместо того чтобы идти к выходу или к двери подвала, Мать тащит Ариена к алтарю Леди. Она выворачивает его руку, пока он не становится на колени, а затем зажигает свечи на полке. Они ярко вспыхивают одна за другой.

Леди создала мир. Она и есть мир. На всех картинах Матери она выглядит одинаково: золотая и блестящая, с бронзовой кожей и длинными распущенными волосами. На иконе изображена Леди, прижимающая пальцы к земле, растворяющаяся в свете, текущем через все сущее. Картина прекрасна. Но когда Ариен падает под иконой, по ней пробегает тень, и на мгновение золотые пальцы Леди кажутся когтями. Ее улыбка становится резкой.

Мать с силой подносит испачканные пальцы Ариена к огню свечей. Я хватаю ее за руку, пытаюсь отвести назад:

— Стой! Ты не можешь этого сделать!